

ЧЕРНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

В предзакатный час сидели мы с парторгом Григорием Павловичем Баклановым на ступеньках высокого крыльца колхозной конторы и беседовали о том, как течет и оказывает себя сельская жизнь.

Перед конторой пестро и очень уж привлекательно развернулся небольшой цветничок. Тут огненно пламенела каемка настурций, дальше цвели бархатные анютины глазки, золотистые ноготки и петунья, а в самом центре председательствовал пышный георгиновый куст.

— Видать, хороший садовник у вас, — сказал я Бакланову.

— Садовника у нас нет, — ответил парторг. — А цветничок этот устроила простая колхозница Маруся. Она проявила инициативу.

— Очень хорошо.

— Она, Маруся-то, на ферме свинаркой работает. Совсем еще молодая, недавно десятилетку окончила. И видишь: есть у нее это понятие о красоте. Да и сама симпатичная, а вот фамилия несообразная: Поганкина. Такая уж от дедов досталась...

Бакланов помолчал, сдвинул брови и, глубоко вздохнув, заключил:

— Вот, понимаешь ли, — много еще у нас черной несправедливости в жизни.

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

Мы осматривали маленький историко-краеведческий музей районного города К. В этом городе жил автор «Чапаева»; может быть, здесь у знаменитого русского драматурга возникла

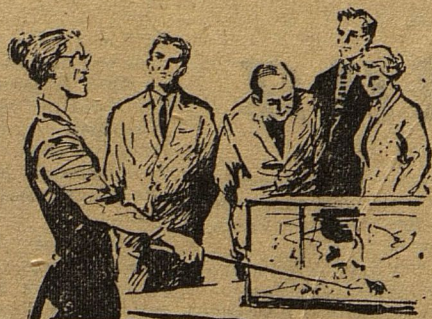

Рис. И. Филиппова

мысль написать «Бесприданницу»...

Суховатая, очкастая сотрудница музея, дававшая пояснения, сказала:

— Наиболее полно представлен у нас ледниковый период.

— Чем же?

— Цитатами и фотоснимками.

— ?..

В отделе ледникового периода на стенах висели обрамленные картонки с цитатами из сочинений географа Кропоткина и академика Ферсмана, а также фотокопии рисунков разреза земной коры. Тут же на столике в застекленном ящике лежало несколько камешков моренного отложения.

Разноцветье

Виктор
ПОЛТОРАЦКИЙ

Остановившись перед этими экспонатами, сотрудница музея гордо вскинула голову, и выпуклые стекла очков ее блеснули, как льдинки.

НА КАМЕНИСТОМ ГРУНТЕ

Это было поздней осенью на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции. Мы зашли позавтракать в столовую Левого берега.

Официантка Зоя, розовощекая костромичка, похожая на румяную булочку, радушно предлагала:

— Может быть, попытаете соевых рыжиков с лучком и постным маслом? Очень вкусенькие. Или баклажанной икорочки?

В это время в столовую пришел знаменитый багермейстер, начальник восьмидесятого земснаряда Павленко. Вчера мы были у него на работе. Дело у Павленко не ладилось. Земснаряд попал на такой участок реки, где дно оказалось сплошь каменистым. Разрыхлитель не мог взять грунт, и вместо пульпы, то есть разжиженного песка, снаряд гнал по трубам чистую воду. Намыва почти совсем не было. Работа шла холостую. Начальник нервничал...

Зоя засуетилась вокруг Павленко. Принесла ему одну тарелку, другую, третью. А он мрачно поковырял вилкой в одной и другой, потом выкурил папиросу, поднялся и ушел.

Официантка снова вернулась к нашему столику. Лицо у нее было расстроенное.

— Вы знаете, я говорю ему: Федя, может быть, отбивную котлеточку скушаешь? А он отвечает: «Аппетита нет, Зоя». Я говорю: рыжиков? А он поклевал, как воробышек, и опять — «не хочу». Ну, я, конечно, и сама понимаю, — какой может быть аппетит у человека на каменистом грунте? Правда ведь?

ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ НЕЛЬЗЯ!

У Самуила Яковлевича Маршана есть внук Саша. Когда Саше было пять лет, дед взял его с собой в крымский дом отдыха в Коктебеле.

Однажды, гуляя по берегу моря, мальчик увидел патруль пограничников и спросил:

— Они зачем?

Ему объяснили, что за морем расположена чужая страна, и вот пограничники оберегают наш берег, ходят здесь, чтобы не допустить лазутчиков и шпионов.

— Ах, — сказал Саша, — ведь это же очень просто!

— Как то есть просто?

— Подойти к человеку и спросить: «Скажите, пожалуйста, вы не шпион?»

— А если он обманет?

— Но ведь говорить неправду нельзя! — убежденно воскликнул мальчик. О, детская простота!

В СЕНОКОСНУЮ ПОРУ

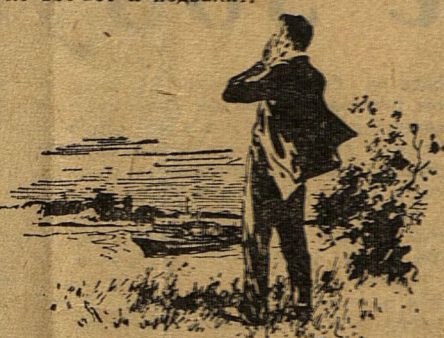
Теплый июльский вечер на берегу Оки, повыше Касимова. Медово пахнет свежим сенцом и дымом костра. Над костром в черном закопченном ведре варится ужин: пшенная похлебка, заправленная картошкой и кусочками сала.

У огня в ожидании ужина сидят колхозники. Каждое лето они выезжают в луга дня на четыре — пока не управятся с сенокосом.

За долгий день на тяжелой работе люди умаялись и теперь сидят молча, отдыхая, покуривая. Когда кто-нибудь потянется к огню достать пылающую веточку, чтобы прикурить от нее, над костром к черному, душному небу хвостом взвиваются золотисто-красные искры.

В этом, как бы семейном, кругу простых деревенских людей сидит знаменитый московский артист. Он — в белой, не очень свежей рубашке с распахнутым воротом. Крупное, широкое лицо его озарено дрожащим светом костра. Он так же, как все, молчит и смотрит, как дышат угли. Может быть, он думает о том, что такие же костры пылали в стане половцев, и так же в сторонке хрупали кони, и князь Игорь молча глядел на огонь...

— Степаныч, — говорит вдруг один из колхозников, — теперь уж поди-ко вот-вот и подвалит.

Чуть приподняв и слегка вывернув левую руку, артист бросает взгляд на часы, встает, отходит на кручу, взметнувшись над темной водой, стоит там, белея рубашкой и дожидаясь чего-то.

По вот сверху, из-за поворота реки, приглушенный расстоянием доносится низкий протяжный гудок парохода. Артист резко вскидывает голову, набирает полную грудь воздуха и в тон паровозному гудку отвечает:

— О-го-го-го-о-о!

И снова ждет. Теперь уж недолго: из-за поворота на стрежень Оки выплывает большой, сияющий огнями пароход. Поравнявшись с кручей, он снова дает трехкратный басовый гудок и снова трехкратно отвечает пароходу артист:

— Ого-го-го-о-о-о...

По темной воде далеко разносится эхо, повторяясь уже за рекою в старых берегах.

Пароход уплывает спокойно и ровно. Постепенно тускнеют его огни, и вот уже совсем исчезают за новым изгибом берега. Артист еще долго стоит на круче и глядит ему вслед.

— С брательником разговаривает, — тихо и важно, как некую тайну, шепчет

сидящий рядом со мною рябоватый колхозник.

— Что это значит?

— Так ведь пароход-то называется «Григорий Пирогов». Родной брат Степаныча. Тоже знаменитый певец был. На всю Россию гремел, а родом — от нас, рязанский...

Пожилая стряпуха осторожно черпает большой деревянной ложкой варено из ведерка, пробует и, значительно помолчав, говорит:

— В самый раз.

— Степаныч, ужинать! — кричат от костра.

МАСТЕР ПО РЮМКЕ

Приехал ко мне гость из родного города. Начались, как водится, воспоминания, расспросы о товарищах детства. Про одного гость сказал:

— Громко живет, — первый мастер по рюмке.

— Неужели?

— Об этом в районной газете писали.

— Как же дошел-то он?

— Видно, наследственное. У него и отец, Федор Никитич, тем же известен был.

Федора Никитича я знал хорошо и возразил гостю:

— Ты что-то путаешь: дядя Федя капли в рот никогда не брал.

— Против этого и я сказать ничего не могу.

— А как же насчет рюмки-то?

Гость недоуменно посмотрел на меня, потом вдруг рассмеялся, покачал головой и объяснил:

— Так ведь он на хрустальном заводе мастером-выдувальщиком был и по фасонной рюмке считался первым специалистом. А теперь и сын его тем же прославился...

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ

Мне рассказывали про одного бывшего сотрудника ТАСС.

Будучи послан корреспондентом в Париж и опасаясь вызвать дипломатические осложнения собственными суждениями о том, что там происходит, он в своих сообщениях обязательно ссылался на информацию местной прессы, чтобы иметь оправдательный материал.

Корреспондент так привык к этому, что однажды передал следующую информацию: «Как сообщают утренние выпуски парижских газет, сегодня здесь выпал снег»...

ПЕРВОЦВЕТ

Под Москвой, в Барвихе, по склонам глинистого овражка и на низинке у пруда ранним апрельским утром, будто выстрелили, распустились желтые цветы мать-и-мачехи. Листьев у растения еще не было, а цветок уже поднялся на невысокой чешуйчатой ножке и глянул на свет, словно хотел сказать:

— Здравствуйте, добрые люди!

Из санатория, расположенного поблизости, все ходили смотреть на эти желтенькие цветы и, наглядявшись, возвращались довольные, будто нашли какое-то счастье.

Пройдет две-три недели, появятся другие цветы, гораздо наряднее, чем эти, но они уже не вызовут такой радости. Тем-то и хорош этот скромный желтенький хохолок, что он первым заявил о себе, первым поздравил нас:

— Здравствуйте, добрые люди!..